



И.В. Мамиева

УДК 821.221.18

DOI 10.46698/e6912-7534-0857-p

## «БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ СО СНЕЖИНКОЙ НА КРЫЛЕ»:

штрихи к творческому портрету  
Алексея Дмитриевича Букулова  
(К 100-летию со дня рождения)

И.В. Мамиева\*

**Аннотация.** В статье прослежены основные этапы литературной деятельности А.Д. Букулова. Через призму эволюции творчества, в контексте динамики исторических, идеологических, социокультурных трансформаций в обществе рассмотрены проблематика и особенности индивидуального стиля автора, элементы нарративных стратегий, новаторство в области романной поэтики. Особое внимание уделено малой прозе писателя в последний период жизни, отмечены острая актуализация вопросов нравственности и гуманизма, акцентированное изображение этноментальных черт персонажей в аспекте мотивированности их действий и поступков.

**Ключевые слова:** А.Д. Букулов, веки жизни, этапы творчества, мотивно-тематический комплекс, гуманистическая проблематика.

«Знаю Алексея 55 лет и никогда ни на йоту в нем не усомнился. Я тут подумал как-то: с чем можно сравнить благородство и святость его души? И представилось мне: ясным зимним утром парит в выси белый голубь, вдруг с неба упала снежинка и опустилась на птичье крыло... **Снежинка на крыле сверкающего белизной голубя!** – ничего не знаю чище, и, может быть, это сравнение позволит мне отобразить возвышенную красоту души Алексея...»<sup>1</sup> [1, с. 3] – такова поэтическая рецепция личности художника его соратником по перу, Нафи Джусойты.

Но как же непроста и трагична была судьба Алексея Дмитриевича Букулова – человека голубиной чистоты и незлобия!..

\*\*\*

Родился будущий писатель в сел. Валитикау Южной Осетии. Н. Джусойты образно обыгрывает знаковые детали и этого события. Подобно нарту Батрадзу, Алексей – племянник древнего рода Быцента. А на свет появился 8 июня 1920 года – ровно в тот исторически памятный день, когда повстанцы на юге Осетии выступили против меньшевистского правительства Грузии, мужественно и дерзко провозгласив советскую власть «от Она до Душета». В русле восприятия корифея осетинского литературоведения зададимся и мы вопросом: нет ли воли провидения в том, что апофеозом творчества А. Букулова стал роман «Песня осталась жить» с легендарным Антоном Дриаевым в центре – знаменем революции 1905 года в Южной Осетии?..

Цель данной статьи – обозреть долгий творческий путь Алексея Дмитриевича Букулова (1920–2010): от первых шагов до всеобщего признания.

Выпускник Сталинирского педагогического училища (1940), он лишь полгода успел поработать

заведующим Чкараульской начальной школы и по совместительству – учителем, после чего был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил на Украине, где и застала его Великая Отечественная война. В течение трех месяцев участвовал в оборонительных сражениях в направлении от государственной границы до Винницы. Измотанные в тяжелых боях остатки воинской части, где он сражался, попали здесь в окружение, а затем и в плен. Вплоть до 1944 года Алексей находился в лагере для военнопленных в Румынии, после освобождения узников Красной Армией он снова – на передовой линии фронта. В апреле 1945 года на земле Австрии получил тяжелое ранение: пуля, проломив четыре ребра, прошла через легкое навывлет. Госпитальные врачи, девять месяцев борющиеся за жизнь бойца, смогли поставить его на ноги; домой Алексей вернулся лишь в 1946 году [1, с. 3].

С того времени трудился в органах печати: корректором в книжном издательстве, в редакциях газеты «Коммунист» и журнала «Фидиуаг». В периодике начали появляться его рассказы и очерки. Казалось, отошли в прошлое испытания войны, тяготы неволи, долгие месяцы изнурительного лечения... впереди – благополучие и стабильность мирного существования.

Но судьба снова все решила по-своему. В августе 1949 года на улицах Сталинира (ныне Цхинвал) появились прокламации с призывом защиты и упрочения прав и статуса родного языка. Ничего антисоветского в них не было, однако органы безопасности расценили это как подрывное действие. Весной 1951 года его арестовали по подозрению в участии в якобы вредоносной акции. Через год, когда выявились подлинники авторов листовок, Алексея из тюрьмы не только не выпустили, – напротив, припомнив ему пребывание в плену, осудили на 25 лет.

\* Мамиева Изета Владимировна – к. ф. н., доцент, старший научный сотрудник СОИГСИ (dzirasga@mail.ru).

<sup>1</sup> Здесь и далее перевод с языка оригинала наш. – И. М.

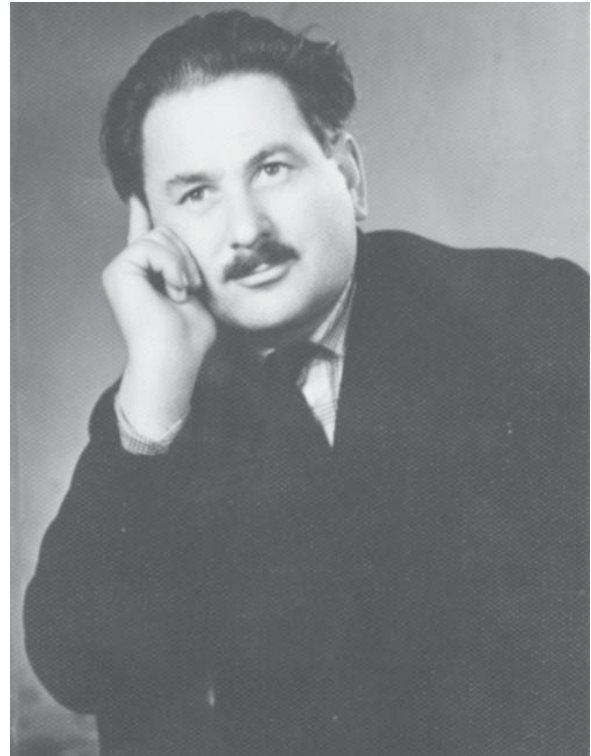
В 1956 году, отсидев пять лет в колонии строгого режима, А. Букулов был реабилитирован. Возвратившись домой, поступил на историко-филологический факультет пединститута и успешно окончил его в 1960 году. С этих пор деятельность Алексея Дмитриевича так или иначе связана с литературой: в разные годы он – редактор в радиокomitee, ответственный секретарь газеты «Советон Ирыстон» (в течение 12 лет), главный редактор книжного издательства, затем – радиовещания Юго-Осетии, редактор отдела прозы журнала «Фидиуаг».

Редакторская работа не только не мешала, – она способствовала раскрытию собственного творческого дара. Образно выражаясь, первый зеленый «росток»<sup>2</sup> писательского таланта стал набирать силу и густо выколосился. Перу Букулова принадлежит множество очерков, рассказов, повестей и романов, писал он и критические статьи. В его активе также рассказы и сказки для детей. Но отдельными книгами произведения автора изданы лишь после реабилитации.

Ведущая тема первого сборника рассказов «Уыцы бонтæ» («Те дни», 1957) – героизм и мужество советских воинов, защитников Отечества. Вместе с тем в воспроизведении эпизодов войны уже тогда проявилась характерность почерка Алексея Букулова, а именно: энергичное использование им ситуативных и лексических средств юмора («Сыгъзæрин дæндаг» / «Золотой зуб»; «Фыдбылыз» / «Зло» и др.).

Одной из актуальных задач, стоявших перед государством в послевоенные годы, стало восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Деятели литературы были призваны своими творениями воодушевлять людей на трудовые подвиги. В основе рассказов «Мæстыгæр лæппу» («Вспыльчивый юноша», 1956), «Арф уидæгтæ» («Глубокие корни», 1960), «Малхазы ног чындз» («Невестка Малхаза»), повестей «Царды уалдзæджы» («На заре жизни», 1960), «Фырдыт – æдзыт» («Честолюбец – бесчестен», 1968) А. Букулова лежат конфликты, связанные с решением этой проблемы. Мирный труд показан в них как форма и средство очищения и облагораживания человеческой природы; морально-этические проблемы, в русле догматических предписаний, решаются в тесной зависимости от «производственной» темы. Довление идеологической схемы весьма ощутимо и в незавершенной трилогии «Хæхты дидинæг» («Цветок в горах», кн. 1–2. 1962, 1965). Ф. Гаглоев, признанный мастер слова, отмечая стилистическую индивидуальность автора, закономерно указывал ему на элементы ложной эпичности, лакировку действительности в романе [2, с. 133].

Своеобразной «отдушиной», дающей возможность проявления творческих потенций художника, явилась галерея портретов различного рода очковтирателей, бездельников и мошенников,



выведенная им в произведениях тех лет. Талант сатирического изображения он перенял, по собственному признанию, у маститых собратьев по перу: «Зæгъæм, ахæм амонд мæ фæцис, æмæ мæ чиныгкæсæг райгуырд, æмæ мын загъта, фыссын зонис, зæгъгæ. Стæй мæ бафарста, чи дын бацамыдта? Уæд æз зæгъин, Арсен æмæ Куыдзæгыл сахуыр дæн, кæд исты зонин, уæд...» (Допустим, мне выпало такое счастье, что родился мой читатель и сказал мне: да, дескать, умеешь писать. И спросил затем: кто научил тебя? Тогда бы я ответил: Если умею что-то, то выучился этому у Арсена [Коцоева] и Кудзага [Дзесома]...) [3, с. 217].

В 1970-х годах в творчестве А. Букулова намечается поворот к более глубокому осмыслению аспектов личной жизни персонажей. В ряде повестей – «Зæрдæйы хæс, кæнæ Дæ амонд – дæхи» («Долг сердца, или Каждому свое»), «Былкъахыр амонд» («Ущербное счастье», 1974) и др. основу сюжета составили нюансы пресловутой любовной геометрии. Благонравие и распущенность, любовь и страсть, доброжелательность и злонамеренность – подобного рода антиномии определяют коллизии произведений, где волевым и принципиальным героям-правдоискателям противопоставят морально убогие типы, глухие к голосу совести.

В «Долге сердца...» воспроизводится образ эгоиста и корыстолюбца Беса – предельно расчетливого, склонного продумывать свои действия на много шагов вперед, и в эти его планы не вписываются ни Роза – подруга школьных лет, ни ветреная

<sup>2</sup> Первая проба пера А. Букулова состоялась в 1939 году, когда в сборнике молодых авторов «Æвзартæ» («Ростки») был опубликован его рассказ «Бесойы цин» («Радость Бесо»).

красавица Джульетта. Во главу угла поставлены исключительно личные интересы: отличница Роза «подтягивает» его, двоюродника, по всем предметам, с Джулей он весело проводит время, а женится в конечном счете на Зареме, дочери влиятельной особы.

Через много лет судьба снова сведет их с Розой, и Беса возобновит ухаживания за первой любовью. Расчет в том, что его жена бесплодна, и, изображая пылкую страсть, Беса хочет склонить Розу к рождению для них, для бездетной пары, ребенка. Разумеется, «на весьма выгодных основаниях».

А. Букулов проявляет незаурядное мастерство в живописании предельной низости персонажа, в передаче состояния молодой женщины, оскорбленной непристойным предложением. Антитезой параллелью этому предстает понимание верности и долга, нравственности и душевной доброты Созуром, пронесшим неразделенную любовь к Розе через всю свою жизнь.

В центре второй повести – Барысби, человек «перекасти-поле», который мечется между русской девушкой Оксаной, ухаживавшей за ним в госпитале, и своей довоенной невестой-односельчанкой. Верхом безответственности и цинизма служит письмо, присланное им повторно покинутой Таиси: «Вспоминай испытанный нами сладкий миг счастья. А там – как знать? – дни бегут и благодать с собой несут... Я не собираюсь остаться здесь...» Характер Барысби обрисован художественно убедительно и узнаваемо. Типы, подобные ему, действительно, на склоне лет, брошенные всеми, возвращаются к тем, кого предали в молодости, и ищут у них сочувствия. Настораживает лишь некий нюанс позиции автора, а именно склонность списывать на «так сложившиеся обстоятельства» бездумное следование за изменчивыми желаниями сердца.

Схожее положение в «любловном треугольнике» находим в повести «Цы рцыди, цы не 'рцыди» («Что было и чего не было»). Махамат всеми помыслами, всем сердцем с Антониной. Но переступить черту ему не позволяют ответственность перед семьей и принятые в обществе нормы поведения. Нельзя не заметить, однако, потенциальное присутствие в герое свойств психологического склада предыдущего типажа, и мы невольно задаемся вопросом: а если бы Антонине настойчивость медсестры Оксаны, не повторилась ли бы уже известная нам ситуация?..

Не исключаю, впрочем, что именно недосказанность образа, незавершенность сюжетной интриги могли способствовать популярности вышеназванных произведений. Но большей частью читательская аудитория Алексея Букулова формировалась благодаря обращенности автора к внутреннему миру героев, «доверительным отношениям» с ними. Писатель зачастую предельно сокращает дистанцию между субъектом изображения и собой, входит с ним в диалогический контакт. Разделяем мнение Ф. Гаглоева: эту особенную тональность письма – проникаться печалью и думами своих

персонажей, беспокоиться их судьбой, «входить в положение» и даже наставлять на ум – в осетинскую литературу впервые ввел Букулов [2, с. 10].

1980-е годы значительно ослабили давление соцреалистического канона, расшатали тенденции унификации эстетического творчества. Художественная словесность не преминула отозваться на эти процессы динамикой жанрово-стилевых исканий. В означенное время новой ступенью роста писателя стал роман-диалогия «Зарæг баззади цæргæйæ» («Песня осталась жить» – кн. 1. – 1980; кн. 2. – 1988). Изменения в нарративных стратегиях выразились в том, что повествование всецело образительно, автор не выходит за рамки сознания героев. Полностью скрывшись за судьбами персонажей, за воссоздаваемой действительностью, Букулов как бы доверяется ее убедительности, предоставляя ей возможность говорить самой за себя. Важный принцип структуры произведения – в нем нет ничего второстепенного, малозначащего, о чем можно было бы упомянуть в нескольких словах. Поэтому и эпизодические лица, лишь проходя мелькнувшие в многочисленной толпе романного мира, обретают подлинную жизненность, выступают как своеобразные и интересные типажи (кузнец Миха, адвокат Гуриели, Годе).

В центре сюжета, как уже сказано, – образ революционера Антона Дриаева, геройски погибшего в октябре 1905 года в одном из боев с царскими карателями. Первая книга рассказывает о событиях, далеко отстоящих от того времени. Писатель задается целью проследить истоки социального возмужания исторической личности, осмыслить обусловленность характера жизненными обстоятельствами. В обращении к читателю он говорит о тех трудностях, которые стоят перед художником, отважившимся на внутреннее единоборство с фольклорной традицией.

Народная песня об Антоне создала образ близкий и дорогой каждому осетину. Основными средствами психологической обрисовки в ней явились идеализация, суммарность характеристик, использование фольклорного параллелизма в раскрытии побуждений персонажа и противостоящих ему врагов. Литературное творчество, как мы знаем, располагает прямо противоположными средствами (принципы индивидуализации, углубленного исследования внутреннего мира, воспроизведения его во всей сложности и противоречивости) для того, чтобы показать читателю уже известный образ с иной высоты, как бы заново открыть его человеческую сущность. Фабульная линия диалогии Букулова подчинена этой цели.

В статье М. Булкаты, посвященной глубокому и обстоятельному разбору романа, данная мысль находит убедительное обоснование. Факты, какими бы они занимательными ни были, – отмечает критик, – нужны автору постольку, поскольку они участвуют в раскрытии основных образов произведения: Антона, его старшего брата Васо, их отца

Бадила [4, с. 74]. Три точки зрения на мир «разворачиваются в сюжете то в последовательной смене, то в тесном переплетении, давая оценку одним и тем же событиям. В обнаружении сходства и различия между ними особо активную роль играют современные формы психоанализа: несобственно-прямая речь, внутренние монологи и диалоги. Сохраняется и роль поступка, который рассматривается в экстремальной ситуации на грани выбора» [5, с. 15]. Избегая авторского описания, художник стремится подобрать благоприятные моменты для самовыявления героев, автономность и самостоятельность которых налицо. Аналогичные процессы наблюдались и в литературах региона [6].

Роман А. Букулова – об одной семье. Но это не семейная хроника, а глубоко реалистическое повествование о воспитании мужественных людей, демонстрирующих в борьбе и жизни лучшие черты национального характера.

К сюжету постоянно подключаются бытовые сцены. Народный быт, осмысленный в его духовной значимости и социальной содержательности, углубляет представление о мировидении и миропонимании персонажей. Ретроспекция в осетинское прошлое объемна, строга, предельно реалистична, чужда какой-либо идеализации патриархальных обычаев. Писатель стремится изобразить отдельные жесты, поступки, в которых наиболее полно воплощается целостное существо человека. Так, Дриаев-старший в своем поведении всецело исходит из патриархальных законов чести. Социальная близорукость его обнаруживается в том, как он хвалит аульчанам «нового» алдара, отмечая в нем доброту, сердечное обращение с крестьянами. Соседа, высказавшего мысль о том, что волки одинаково корноухи, строго осуждает про себя: «Сколько людей кормится хлебом алдара, живет его поддержкой...». Однако вскоре иллюзии Бадила развиваются. Повествование постепенно переключается на его старшего сына – Васо, который отдан им в услужение к алдару.

Помня наказания отца и дяди Годе, Васо терпеливо сносит издевательства и ругань алдара и его домочадцев, добросовестно исполняет любые прихоти и приказания своих господ. Но внешняя покорность находится в глубоком противоречии с внутренней жизнью героя. Отдельные картины, эпизоды алдаровой «милости» непрерывно пропускаются через его сознание, получают психологическое осмысление. Возвращение к прошлому, прерывающее последовательность событийного времени, раскрывает новые грани личности Васо. Вот он вспоминает, как спас дочь алдара от гибели, когда ее понесла лошадь. Сандра, брат девушки, был рядом, но помочь ей не смог, только истошно звал на помощь. «А хоть бы ты и сын алдара, – рассуждает Васо, – но я сделал тебе доброе дело, так улыбнись в ответ, от этого ничего с тобой не сделается. Нет, злой он все-таки, этот Сандра». В этих мыслях нет пока мотивов социального антагонизма, они придут

к нему позднее. Масштаб мировоззренческих представлений и взглядов персонажа растет вместе с обострением конфликтных ситуаций. Сцена, где Сандра с руганью замахивается на Васо кнутом, когда тот, в нарушение сословного этикета, обгоняет его, обдав клубами пыли, оттеняет мужественную сдержанность сына Бадила, заносчивость и спесь его попутчика. Но она все еще исполняет роль преддверия к событиям. Взрыв эмоций, вызванных социальными реалиями, произошел позднее, когда алдар Котэ Тухарели посягнул на человеческое достоинство юноши. Требование права первой ночи прорвало границы долготерпения Васо; этот бунт и становится завязкой предшествующих событий, кульминационной точкой в развитии не только его самого, но и Антона.

Отсюда начинает развиваться третья в романе точка зрения на жизнь. Из столкновения брата с окружающей средой младший извлекает для себя поучительный урок, который очень важен для становления его характера. Для Антона с самого начала неприемлема внушаемая Годе мудрость о том, что «смирный ягненок двух маток сосет». В изображении данного образа автор следует принципу: человека создает его сопротивление окружающей среде.

Конфликт братьев Дриаевых с алдарами разрешается, в целом, одинаково: Васо сослан в Сибирь, Антона забирают в солдаты. Мир первой книги мало разомкнут в большой мир истории, лишь в конце появляется энергичный жест, позволяющий думать о выходе героев из узко-национального пространства в события большого масштаба и эпохального значения. Это письмо Антона к родителям, оно дышит пафосом исторического оптимизма («Что ни случается, все к лучшему!»), неся скрытую информацию о том, что служба в царской армии оказалась для него серьезной школой политической борьбы.

Процесс «хождения по мукам» Антона Дриаева во второй книге трактуется автором как упорный поиск своего предназначения. Букулов, исследуя социальные, духовные, нравственно-этические связи персонажа с окружающим миром, как бы задается вопросом: может ли индивид влиять на объективный ход истории? И если да, то каковы границы и направление этого воздействия? Иначе говоря, каков конкретный след, оставляемый человеком на земле? Он воспроизводит «национальный тип» личности, опирающийся на прочную почву эпико-героического, включающий в себя сложный комплекс национального мироощущения. Но его герой прикоснулся уже и к новому социальному, духовному опыту, выводящему на просторы большого и объективного мира Истории и Прогресса. И пусть жизнь Антона трагически обрывается на полпути: сбылось-таки предсказание символического сна (гл. «Клубок горя»). Но не прервалась преемственность борьбы за идеалы, которые он исповедовал.

Тема заступничества за «униженных и оскор-

бленных» трактуется в произведении и как философская проблема поиска истины и смысла бытия, как противоборство добра и зла. Многие проясняет в этом плане мотив вещего сна. ...Горы и ущелья ушли под землю, и перед Антоном открылась широкая равнина, луга, покрытые разноцветьем трав. Дорога простерлась вдаль – ровная, нескончаемая. А впереди нечто круглое и от него – нестерпимый золотой блеск. «А-а, солнечный диск!», – думает юноша. Подбежать, поднять его и унести, укрепить на потолочной балке нового дома, выстроенного для старшего брата, который отправлен по этапу в Сибирь. Только нагнулся, а солнечного диска и след простыл. На зов Антона прибежал Васо, теперь они вдвоем пустились вдогонку. Оказалось, это вовсе и не шар золотой солнца, а клубок черных ниток. Но вот что странно: чем сильнее нить разматывается, тем черного клубка больше...

В вещем сне героя, пишет Булкаты, все представлено по местам. Это символ житейской стези Бадила и его детей, каждый из которых спешит догнать свое счастье, а оно манит за собой, подобно солнцу. Вблизи же оказывается черным клубком, оставляющим за собой кровавый след [4, с. 72]. Действительно, символика сна в сюжетно-изобразительном плане содержит перспективы событий и судеб субъектов романного мира. С другой стороны, метафорический «клубок горя», попадая в сферу эмоционально-нравственной интерпретации, становится существенным средством характеристики персонажей, по-разному включившихся в социальное движение времени.

Указанный образ еще раз «всплывает» в финальной части текста, обретая новые смысловые акценты. В древний погребальный обряд неожиданно вторгается песня, «взметнувшаяся в небо» и зависшая там, как «клубок горя» (кн. 2, с. 408). Песня как «клубок горя, клубок гнева и печали», зовущая к борьбе; песня, «ищущая дороги к жизни», песня как «вечный памятник» бессмертию человеческого духа – этой многозначной авторской мифологемой завершается лейтмотивная символика диалогии.

Важное достижение А. Букулова – создание целостной художественной концепции исторического пути народа к социальной свободе. Редкие импульсы условно-метафорического же в романе сигнализируют о процессах трансформации в нарративе национальной прозы. Ведь именно в связи с данным произведением осетинская критика впервые заговорила о вкраплениях в начале 1980-х годов «гранул» мифопритчевости в ткань реалистического повествования. Впрочем, элементы мифологизирования заметны и в более ранних его текстах, адресованных детской аудитории [7, с. 109].

«Песня осталась жить» – апогей творчества А. Букулова, свидетельство того, что поэтическое мастерство его достигло зрелости, психологический анализ в произведении стал основным инструментом художественного познания, композиционной и стилиевой основой, движущим началом сюжета.

Под впечатлением от прочитанного, осетинский читатель пребывал в предвкушении новых глубоких замыслов и открытий автора. Но не дремало и Горе-Злосчастье – неизбывный спутник Алексея Дмитриевича. Осенью 1991 года, во время грузино-осетинской войны, его единственный сын Маир, юноша «с благородной поступью римского сенатора» и лучезарной улыбкой ангела («худгæ дзуар») [8, с. 4], знаток и ценитель литературы и искусства, преданный патриот родной земли, был зверски замучен в одном из грузинских анклавов в районе Кехви.

Этот последний удар судьбы подорвал жизненные силы писателя. Сраженный горем, он несколько лет не притрагивался к перу. Но возымели действие «письма надежды» друзей и творческой интеллигенции Осетии – со словами поддержки и сострадания, с призывами проявить стойкость и духа, достойную павших героев Цхинвала, не отдавать собственную трагедию от общенародной тяжкой доли. И закаленный в испытаниях старый солдат нашел в себе силы вернуться в строй.

В последний период жизни в фокусе авторского внимания – зловещий оскал современной войны, отображение нелюдей, реанимирующих средневековую жестокость и формы агрессии (рассказы «Хъуырманы маэрдзæгтæ» / «Погребальное одеяние Курмана», «Саст зæрдæ» / «Разбитое сердце», «Сергийы “хотыхтæ”» / «“Оружие” Сергия» и др.).

Важное место в нарративной структуре произведений отводится мотиву сна, предвещающего несчастье. Онейропозтика А. Букулова призвана подчеркнуть внезапность и немислимость беды, обрушившейся на человека, который, в силу неподготовленности к ней, чаще всего оставляет без внимания подсказки подсознания. Так происходит с мастером-умельцем Сергием, занятым обустройством дома для своих младших. Когда сын его доброго соседа-грузина, перевалившись через порог, грубо требует выложить перед ним оружие, старик понимает его по-своему. «Оружием» шутя называл он два турьих рога, которые всегда выставлял на пиршественный стол. Наполненные брагой, они кого угодно сражали наповал. И Сергей, хоть и покороблен неучтивостью крестника, тотчас радушно начинает накрывать на стол. Кровавый финал гостеприимных хлопот мирного труженика потрясает своей бесчеловечностью.

В другом рассказе «Тугуарæн» («Бедствие», 1992) бывшему боевому офицеру снится подступающий к нему с кулаками четырехрукий юнец Важа, которого он опекал на войне, как родного, и даже скрыл его трусость, когда после бомбежки обнаружил его в ложбине, вдали от окопов. Кулаки-красные шары взмыли вдруг в небо, и оттуда хлынул... кровавый дождь. Сон удивил старого Тома – и только. Наутро, задолго до рассвета, грузинские бандформирования входят в Цхинвал, и в долговязом «командире», приставившем к его лбу дуло револьвера, предварительно обругав «ста-

рым чучелом», он узнает Вазу из своего сна.

Мотив узнавания организует повествование – по принципу сходства и контраста – и в рассказе «Æрдхæрдты фембæлд» («Встреча друзей», 1995). Его герой, инвалид Великой Отечественной войны, в наши дни вновь столкнулся с открытым проявлением фашизма. Сцена избития Сандыра до полусмерти грузинскими боевиками-мародерами подана ретроспективно. Он тогда выжил чудом, но его старуху, с проклятиями преградившую грабителям путь, расстреляли из автоматов. И вот теперь, стоя в очереди за хлебом, Сандыр неожиданно опознает в руководителе колонны гуманитарной помощи, прорвавшейся в осажденный Цхинвал, своего однополчанина, который в войну вынес его, раненого, с поля боя. Художественно убедительно обрисовано состояние подавленности старого солдата, смятенно вопрошающего дорогого гостя об исходе кошмарных событий. Ответ лаконичен: «Фыдвæнд фыдгултæ Ирыстонæн бирæ уыд. Уыдон нал сты, фæлæ Ирыстон цæры æмæ цæрдзæн! Абон Залым æртыхсти Чъребайыл. Уый нал уыдзæн, фæлæ Чъреба цæрдзæн!» (Коварных недругов много было у Ирыстона. Их нет уже, а Ирыстон живет и будет жить! Сегодня Тиран взял в кольцо Цхинвал. Его не станет, а Цхинвал будет жить!) Возможно, в другой ситуации эти слова могли бы показаться излишне пафосными, но не в случае со ставшим легендой городом и героизмом его жителей.

Своеобразную точку в интонационно-стилевым единстве произведения ставит сцена появления далеко за полночь сыновей Сандыра и их товарищей. Переступив порог дома – неотопливаемого и без света, – они, как были, одетые, повалились – кто на кровать, кто на пол, сложив оружие в изголовье. И тотчас сон сморил их. «Вот вся наша жизнь – от одной блокады до другой!» – заключительная реплика в рассказе выводит нас на историческую аналогию с блокадным Ленинградом, где в военные сороковые сражались хозяин и его гость. Сходство усиливается наличием у осажденных цхинвальцев своей «дороги жизни» – в обход трассы, ставшей гибельной для беженцев.

На поэтике букуловских финалов хочется остановиться особо. Им свойствен предельный лаконизм, скупые и точные штрихи, подводящие черту под произволом недочеловеков – «соколов» грузинских бандформирований. Так, эпизод чудовищной расправы с Сергием и его односельчанами завершается двумя короткими фразами: «Хъæу судзы... “Уаритæ” йæм сæ къухтæ тавынц...» (Пылают дома... “Соколы” греют руки у огня...)

В рассказе «Тугуарæн» события января 1991 года, известные в новейшей истории Южной Осетии как «кровавое Рождество», переданы через восприятие старого солдата Тома. Это его глазами мы видим вошедших в город под покровом ночи грузинских боевиков с немецкими овчарками на поводке и наспех переодетых в милицейскую фор-

му амнистированных заключенных («...уæртæ дзы иуæн йæ галиу уæхскыл кæд ис лейтенанты пæгон, рахиз уæхскыл та... бады капитан!..» / ...гляньте, у одного из них на левом плече лейтенантский погон, а на правом... капитана). Через его посредство становимся свидетелями стихийно создаваемых отрядов самообороны, внутренней сплоченности защитников города, их дерзости и смелости, я бы сказала, лихого куража – состояния, дающего «расправить крылья души» и безоружными пойти грудью на вооруженного до зубов противника...

Подобным образом, динамично и зримо, обрисованы автором – такие узнаваемые, отзывающиеся в душе вибрацией скорби, восторга и гордости! – этноментальные черты южных братьев-осетин.

Обратим и здесь внимание на концовку произведения. После упорных боев враг обращен в позорное бегство. «Завершилось кровавое воскресенье. Но худшие бедствия были впереди» – этой финальной трагической нотой в рассказе устанавливается корреляция с аллюзивным эпиграфом – цитатой из «Тринадцати» С. Кулаева, отсылающей нас к еще одной исторической аналогии – событиям 1920 года: «Дысоны къæвда Чъребайы уынгтæ ныхсадта. Æрмæст ма баззæдысты туджы лæссæнтæ, – зноны хъæзут хæсты туджы лæссæнтæ...» (Этой ночью дождь очистил улицы Цхинвала, но не смыл сгустков крови, пролитой накануне в неравном бою...).

Важное место в творчестве А. Букулова в рассматриваемый период отводится мотиву фарисейства. Сам факт того, что православная Грузия в преддверии Рождества хочет огнем и мечом насадить свой правопорядок у соседей-осетин, подается как вопиющее проявление лицемерия и святотатства («Тугуарæн»). Кошунственное нарушение христианских заповедей показано также через разрыв связей между крестным и крестником, когда последний ради продвижения «по службе» совершает над духовным родителем-осетином акт варварской казни («Сергийы “хотыхтæ”»). В то же время гуманизм и мудрость писателя отчетливо видны в эпизоде с пареньком-«милиционером», с дрожью в голосе умоляющим пощадить его во имя матери-осетинки. Устами старого Тома автор, испытывавший великое горе, убеждает ополченцев отпустить незадачливого новобранца: «– Ауадзут æй! Иу дзигло дæр ма нын цы ракæндзæн? Чи зоны, йе ‘рвадæлтæн зонды хос фæуа: уадз æмæ кæм цæуа, кæм бада, уым сын дзура, ирæттæ – Чырыстийы æцæг фæдонтæ – тугхор кæй не сты æмæ бырсгæ дæр кæй никæмæ кæнынц! Чи сæм бырса, уый та надæй, æгадæй фæстæмæ тулы!» (Отпустите его! Разве один дзигло (так презрительно называют великаны людей в осетинском фольклоре. – И. М.) в состоянии нам досадить? Возможно, его родне это поможет образумиться: пусть идет и везде говорит о том, что осетины – истинные последователи Христа – чтят родство по крови и ни на кого не нападают! А тот, кто идет на них войной, покатится вспять битым и с позором!).

В русле проблемы действенного гуманизма образ Спасителя проецируется автором на земных людей – на великого Коста, кто «был послан Господом Богом на нашу землю воспеть вечную правду, указать нам наши грехи» («Тæмæссаджы сис: таурæгъ – æцæг хабар» / «Сатикарская быль»); на врача, перед которым остро встала дилемма: руководствоваться ли императивом возмездия или остаться верным клятве Гиппократова и своему призванию – возвращать пациенту жизнь, независимо от его национальной принадлежности («Æрдуйы нарæг» / «По тонкой волосинке»).

Характеризуя Алексея Букулова как гуманиста-мыслителя, проникнутого духом коллективизма, Н. Джусойты называет его охотником, идущим по следу «кровожадного зверя в человеке» [1, 3]. Поистине, творчество этого самобытного писателя от начала до конца есть утверждение принципов добра, милосердия и красоты, восславление мужества и отваги, проявленных во имя защиты отечества, яростное отрицание хищнического эгоизма, жестокосердия, осатанелости души – клинических симптомов современности.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Джусойты Н. Букуылты Алыксийы «æнæхæрд бæстæ» 80 азы дæргъы // Рæстдзинад. 2000. 26 авг. С. 3.
2. Гафез. Букуылты Алыксийы // Хуссар Ирыстон фысджытæ. – Цхинвал, 1967. С. 138–141.
3. Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. – Владикавказ, 1990. 224 с.
4. Булкъаты М. Дриаты Бадилаы цоты зарæг // Фидиуæг. 1981. № 7. С. 72–80.
5. Мамиева И.В. Проблема художественного историзма в современной осетинской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, 1986. 24 с.
6. Сарбашева А.М. Формирование историзма мышления и балкарский роман: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нальчик, 1998. 22 с.
7. Бритаева А.Б. Осетинская литературная сказка: Становление и развитие. – Владикавказ, 2009. 151 с.
8. Рæстдзинад. 1991. 24 октябрь.

#### «WHITE DOVE WITH SNOWFLAKE ON THE WING»

(Sketches for the creative portrait of Alexey Dmitrievich Bukulov)

I. V. Mamieva

PhD, Associate Professor. V.I. Abaev North Ossetian Institute for humanitarian and social studies, Vladikavkaz scientific center of the RAS.

**Abstract.** The article traces the main stages of the literary activity of A.D. Bukulov. Through the prism of the evolution of creativity, in the context of the dynamics of historical, ideological, socio-cultural transformations in society, the problems and features of the author's individual style, elements of narrative strategies, innovation in the field of novel poetics are examined. Special attention is paid to the small prose of the writer in the last period of his life, the acute actualization of issues of morality and humanism, the accentuated depiction of the ethno-mental traits of the characters in the aspect of the motivation of their actions and deeds are noted.

**Keywords:** A.D. Bukulov, milestones of life, stages of creativity, motive-thematic complex, humanistic problems.

#### REFERENCES

1. Dzhusoity N. Bukuyly Alykseyi «ænækhærd bæstæ» 80 azy dærg'y // Ræstdzinad. 2000. 26 avg. S. 3.
2. Gafez. Bukuyly Alykseyi // Khussar Irystony fyszdytæ. – Tskhinval, 1967. S. 138–141.
3. Mamieva I. V. Kudzag Dzesov: Ocherk tvorchestva. – Vladikavkaz, 1990. 224 s.
4. Bulk'aty M. Driaty Badilayy tsoy zaræg // Fidiuæg. 1981. № 7. S. 72–80.
5. Mamieva I. V. Problema khudozhestvennogo istorizma v sovremennoy osetinskoy proze: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Institut mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. – Moskva, 1986. 24 s.
6. Sarbasheva A.M. Formirovanie istorizma myshleniya i balkarskiy roman: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk – Nal'chik, 1998. 22 s.
7. Britaeva A.B. Osetinskaya literaturnaya skazka: Stanovlenie i razvitie. – Vladikavkaz, 2009. 151 s.
8. Ræstdzinad. 1991. 24 oktyabr'.